

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/223-240

Научная статья

© С. Ю. Белоруссова

ОТКРЫТОСТЬ И ЗАКРЫТОСТЬ: ЭТНИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ В ВИРТУАЛЬНОСТИ И РЕАЛЬНОСТИ

В данной статье затрагивается тема открытости и закрытости в реальности и виртуальности и предпринимается попытка ответить на вопрос, насколько стратегии открытости и закрытости того или иного сообщества связаны с их виртуальной и реальной средой взаимодействия. Являются ли позиции открытости или закрытости добровольным выбором этнической группы? Виртуальность сегодня — это инструмент для обозначения своей позиции среди других или внутренний ресурс поддержания этнической идентичности? Как показывают примеры этнических сообществ, сегодня физическая и виртуальная среда оказываются взаимосвязанными в проявлении себя и своей культуры. Желание быть узнаваемыми мотивирует бесермян выбирать открытый тип позиционирования, напротив, из-за неоднозначности внешних обстоятельств тубалары предпочитают коммуникацию внутри своего сообщества. В случае сойотов территориальная отдаленность является ключевым фактором их закрытости в цифровой среде. Предпочитаемый тип может меняться в зависимости от разного рода обстоятельств: как показывает опыт нагайбаков, при неблагоприятных факторах они демонстрируют повышенную сетевую активность (открытость), а при относительном этническом спокойствии она снижается (закрытость). В более широком смысле представленные модели демонстрируют сегодняшнюю подвижность этнической культуры и ее готовность к последующим адаптациям. Виртуальность становится вписанной в реальность и оказывает влияние на контексты культур, взаимодействия и стратегии этнических групп.

Ключевые слова: открытость, закрытость, виртуальность, этничность, идентичность, коренные малочисленные народы, бесермяне, тубалары, нагайбаки, сойоты

Ссылка при цитировании: Белоруссова С. Ю. Открытость и закрытость: этнические стратегии коренных малочисленных народов в виртуальности и реальности // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 223–240.

Белоруссова Светлана Юрьевна — к. и. н., заведующая лабораторией музейных технологий, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3). Эл. почта: svetlana-90@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2069-3452>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10079, <https://rscf.ru/project/23-78-10079/>

UDC 39

DOI:10.33876/2311-0546/2025-2/223-240

Original Article

© *Svetlana Belorussova*

OPENNESS AND CLOSEDNESS: ETHNIC STRATEGIES OF INDIGENOUS MINORITIES IN VIRTUALITY VS REALITY

In this paper, the author touches on the topic of openness and closedness in reality and virtuality and tries to answer the question of how much the strategies of openness and closedness of a particular community are related to their virtual and real interaction environment. Are the positions of openness or closedness shaped as a voluntary choice of an ethnic group? Is virtuality today serving as a tool for establishing one's position among others or an internal resource for maintaining ethnic identity? As we can conclude from the reviewed cases of several ethnic communities, these days there is a strong interconnectedness between the physical and virtual environments whenever we speak of these groups' self- and cultural manifestation. The desire to be recognized motivates Besermians to choose an open type of positioning; on the contrary, due to the ambiguity of external circumstances, Tubalars prefer communication solely within their community. The Soyots case proves that territorial remoteness is a key factor of their closedness in the digital environment. The preferred type can change depending on different kinds of circumstances: as the experience of Nagaybaks shows, under unfavorable factors they demonstrate increased network activity and openness while it decreases into closedness under relative ethnic tranquility. In a broader sense, the presented models demonstrate the current mobility of ethnic culture and its readiness for subsequent adaptations. Virtuality becomes inscribed into reality and it readily influences the contexts of cultures, interactions, and strategies of ethnic groups.

Keywords: *openness, closedness, virtuality, ethnicity, identity, indigenous peoples, Besermians, Tubalars, Nagaybaks, Soyots*

Author Info: Belorussova, Svetlana Yu. — Ph.D. in History, Head of the Laboratory of Museum Technologies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svetlana-90@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2069-3452>

For citation: Belorussova, S. Yu. 2025. Openness and Closedness: Ethnic Strategies of Indigenous Minorities in Virtuality vs Reality. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 223–240.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant № 23-78-10079, <https://rscf.ru/project/23-78-10079/>

О цифровой виртуальности как отдельном феномене социальных наук начали говорить с 1980-х годов. Если поначалу исследователи в большей степени анализировали цифровой мир в качестве его благотворности или бесполезности для развития реальности, то в дальнейшем они сосредоточились на разработке методологии изучения сети, (кибер)полевых опыта и тематическом потенциале интернет-среды. Вплоть до недавнего времени исследования по изучению сети были выстроены на дихотомии реальности/виртуально-

сти, онлайн/офлайн, физического и цифрового взаимодействия. Однако сегодня реальный и виртуальный миры сложно отделимы и не имеют столь очевидных границ, как это было 20–30 лет назад. Сегодня степень виртуальной активности зависит от внутреннего запроса группы, ее внешней значимости и принятия со стороны других сообществ. Киберактивизм представляется не целью, а средством самопрезентации и самоактуализации.

В данной статье будет затронута тема открытости и закрытости в реальности и виртуальности, которая, впрочем, имеет давние философские, социальные и культурные истоки. Исследуя идентичность коренных малочисленных народов, я не раз замечала, насколько неоднородны стратегии их позиционирования — одни выбирают более активные и открытые модели, другие — пассивные и закрытые. Причем в контексте виртуализации их матрицы приобретают новые ракурсы и контексты (Белоруссова, Хохлакова 2023).

Неслучайно, что в названии статьи на первом месте стоит «виртуальность», поскольку именно на основе сетевого представления будут рассматриваться модели этнических сообществ. Работая над проектами, связанными с этничностью коренных малочисленных народов, мы обратили внимание, что сетевое пространство как будто ярче очерчивает границы открытости и закрытости, что выражается в стратегиях самопрезентации, коммуникации, представлении информации о себе или наоборот сокрытие ее от других.

В статье я попытаюсь ответить на вопрос, насколько модели открытости и закрытости того или иного сообщества связаны с их виртуальной и реальной средой взаимодействия. Являются ли позиции открытости или закрытости добровольным выбором этнической группы? Виртуальность сегодня — это инструмент для обозначения своей позиции среди других или внутренний ресурс поддержания этнической идентичности? В рамках представленного исследования особую важность составляет выявление причин обращения людей к сети (или отсутствия такового) как инструменту решения определенных задач, связанных с конструированием и функционированием этнической идентичности.

В фокусе внимания будут четыре группы коренных малочисленных народов — представители бесермян, нагайбаков, сойотов и тубаларов, численность каждого из которых не превышает 10 тыс. человек. Данные сообщества удобны для изучения феномена открытости и закрытости благодаря характерной им компактности, устойчивости и однородности. Каждый из разделов будет описывать стратегии этнических сообществ, сравнивать реальное и виртуальное взаимодействие, физическую и цифровую среду. Сойоты и тубалары, с моей исследовательской точки зрения, представляют закрытые модели, которые, впрочем, имеют разные основания: их я обозначаю условно как «субъективная» (тубалары) и «объективная» (сойоты). Если бесермян можно назвать «открытым сообществом», то нагайбаки представляют собой переходную модель — в разные периоды истории они демонстрировали как открытое, так и закрытое позиционирование. Задачей каждого из разделов является определение причин и факторов, способствовавших появлению той или иной модели или ее смене. Следует оговориться, что стратегии рассматриваемых сообществ не имеют четких критериев и им характерны рассеянные черты открытости или закрытости.

Данное исследование было подготовлено в сочетании физического и виртуального наблюдения. В течение длительного срока (более десяти лет) я участвовала в полевых исследованиях на территории проживания коренных малочисленных народов России, а в последние годы слежу за процессом цифровизации их этнической культуры. В течение нескольких лет я наблюдаю за группами, персональными страницами, постами,

комментариями и чатами во ВКонтакте, Facebook*, Instagram*¹, Telegram, WhatsApp, Viber, Одноклассники, YouTube и TikTok, периодически провожу тематические интервью и опросы. Для подготовки статьи я использовала подготовленную нашей исследовательской командой базу данных по группам коренных малочисленных народов во ВКонтакте, Одноклассниках и Telegram.

Данная статья разделена на 5 разделов: «Открытость и закрытость: тенденции во времени», «Стратегии открытости (бесермяне)», «Стратегия закрытости (тубалары)», «Стратегия закрытости (сойоты)», «Переходная модель (нагайбаки)».

«Открытость и закрытость»: тенденции во времени

Концепция открытого и закрытого типов общества появилась в 1940-е годы благодаря исследованию К. Поппера «Открытое общество и его враги» (Лондон, 1945 г.). По словам автора, мотивом для написания книги были события Второй Мировой войны: «Опубликована она была в 1945 г., когда война в Европе уже окончилась, но работу над ней я считал своим вкладом в победу. Она была направлена против нацизма и коммунизма, против Гитлера и Сталина, которых пакт 1939 г. сделал на время союзниками» (Поппер 1992: 2).

По мнению Поппера, демократия является единственной моделью управления, позволяющей совершать изменения без насилия над людьми. Такое сообщество для него является *открытым*. Напротив, тоталитарные системы в виде коммунизма и нацизма способствуют подавлению личности и характеризуются стагнацией развития. Подобные общества считаются *закрытыми*. Концепция К. Поппера выстроена на дихотомии «открытости-закрытости», где «закрытое» общество представляет племенную или коллективистскую модель, которая характеризуется статичной социальной структурой, ограниченной мобильностью, неспособностью к инновациям, традиционализмом, догматичной авторитарной идеологией. «Открытое» является тем обществом, в котором индивидуумы принимают решения на основе собственного выбора, в нем уважается свобода, а также мирно сосуществуют различные течения, движения и культуры (Поппер 1992).

Концептуальная парадигма Поппера, с одной стороны, была прорывом для своего времени, поскольку в ней были отражены философские идеи послевоенной действительности. С другой, теория является во многом политизированной и односторонней, поскольку не учитывает нюансов каждой из конкретных систем. В ее анализе отражена в большей степени оценка, что открытость — это положительный феномен, а закрытость — напротив, отрицательный и пагубный для человечества.

Спустя более полувека Дж. Сорос продолжил развитие концепта открытости и закрытости. Открытым типом он обозначил сообщества «с динамичной социальной структурой, высокой мобильностью, способностью к инновациям, критицизмом, индивидуализмом и демократической плюралистической идеологией». Отсутствие жестких указаний, ценностей и целей он считает также необходимым атрибутом свободы (Сорос 1997).

Концепция закрытости впоследствии получала уточнения — в частности были введены «восточные» и «малые» типы. Под восточным типом Ф. Жюльен понимал «замкнутые и непроницаемые иерархически организованные социальные сети, а также приоритет не личности, а ее растворение в группе» (Жюльен 1999). А. Н. Олейник, исследуя

¹ Деятельность компании Meta, которой принадлежат социальные сети, признана экстремистской и запрещена в России.

группы тюремных заключенных, продвигал концепцию малой группы. В это понятие он вкладывал «отсутствие взаимосвязи между повседневной жизнью людей и формальной властью, и неразвитостью политического представительства интересов обычных людей» (Олейник 2001: 16). Основным критерием подобных сообществ является их персональная «недостаточность», невостребованность (личность не может принимать решения, проявлять субъектность) и жесткую иерархическую организацию социума (в том числе наличие непреодолимых противоречий между «верхами» и «низами») (Радина 2009).

Впоследствии исследователями были определены еще четыре формы закрытой группы: вынужденная изоляция (оторванность от социума независимо от желания, например, заблудившаяся в тайге экспедиция); принудительная изоляция (изоляция вопреки воле в силу определенных социальных правил, например а) осужденные, б) солдаты срочной службы); добровольная изоляция (добровольное уединение: монахи, отшельники); добровольно-вынужденная (закрытые профессиональные группы, а также закрытые профессионально-специализированные образовательные учреждения) (Кондратьев 1997). Таким образом, в концептуальных воззрениях появляется больший плюрализм относительно оценки закрытой модели, в том числе в контексте ее осознанного выбора.

Впоследствии в трудах ученых появляется тенденция определения закрытости как элитарной обособленности. По словам Е. Г. Томбиянца, «Верхние слои любой общественной системы всегда в той или иной степени стремятся к закрытости, работают на определенную консервацию общественных отношений, хотя при этом могут содействовать дополнительным каналам мобильности» (Томбиянец 2013: 40). К. Д. Джонстон в работе *Open versus Closed: Personality, Identity, and the Politics of Redistribution* («Открытое против закрытого: личность, самоидентификация и политика перераспределения») предполагает, что каждому человеку присуща как открытая, так и закрытая модели, однако «большинство людей можно отнести скорее к одной из сторон, чем к другой» (Johnston et al. 2017: 18). При этом «две ориентации обладают уникальным набором преимуществ и недостатков» (Johnston et al. 2017: 31). Таким образом, в последние десятилетия модель закрытости понимается не только в контексте вынужденного решения, но и добровольного принятия.

Что касается цифрового взаимодействия, то Интернет в свое время предоставил возможности для тех, кого не удовлетворяет или тяготит физическое взаимодействие. В определенном смысле те, кто находился в сообществе «закрытости» (=угнетенности) в реальной среде получили возможность «открытия» себя и других через сеть. Согласно исследованию Д. Миллера, среди пользователей силён стереотип, что социальные сети представляют нечто «ненастоящее» и замещающее «правдивую» реальность. Как показало исследование в промышленном Китае, там виртуальный мир считается более «честным» и открытым пространством, чем реальный. Дружба в Интернете имеет название «chun» («чище») и «не несет прагматических мотивов», которые бывают в отношениях офлайн. По словам жителя индустриального Китая, «они [онлайн-друзья] любят вас и разговаривают с вами, потому что им действительно нравится, что вы — это вы, а не потому, что вы богаты, чтобы они могли занимать у вас деньги, или вы могущественны, чтобы они могли получить от вас работу. Здесь [в интернете] все намного чище без участия власти и денег» (Miller et al. 2016: 108).

За годы значимость виртуальности выросла настолько, что в некоторых случаях действия в Интернете стали получать большую «силу», чем в реальности: в Чили романтические отношения обретают значимость только после публикации о них на Facebook,

а признание в любви в онлайн-чате среди жителей индустриального Китая считается более «правдивым», чем признание в реальности (Miller et al. 2016: 109).

В начале XXI века на основе открытой и закрытой моделей начали создавать цифровые сообщества. В. П. Поправко, исследуя в социальных сетях группы любителей музыки с ограниченным числом пользователей, искал «внутренние» и «внешние» причины их закрытости. Внешней причиной являлся нелегальный обмен аудиовизуальными материалами, который, согласно законодательству, является пиратством. Внутренней — желание «создать сообщество заинтересованных, мотивированных пользователей, способных активно принимать участие в накоплении и обмене материалом на ресурсе». Тем самым «сообщество ограждает себя от немотивированных пользователей, а также поверхностной, часто негативной коммуникации, имеющей место на общедоступных ресурсах» (Поправко 2009).

Иногда встречаются обратные примеры закрытости, когда она работает не на ограничение круга пользователей, а наоборот, на рост аудитории. К примеру, социальная сеть Club House в свое время привлекала участников, в том числе использованием стратегии закрытости (регистрация по ограниченным приглашениям) и избранности (участие в ней известных персон — Илона Маска, Марка Цукерберга, Кевина Харта, Олега Тинькова¹ и др.) (Белоруссова 2021: 133).

Исследователи В. ван Оша и Б. Булгурку изучали открытые и закрытые группы корпоративных сетей (EMS) и ввели понятия bonding и bridging, которые в переводе на русский язык обозначаются единым словом «связующий», однако несут собой разные смыслы и оттенки. «Bonding» — понятие, присущее закрытым группам, оно означает связь и вовлеченность внутри определенного количества людей и дает возможность «глубинного» погружения. «Bringing» — черта открытых сообществ, ей свойственно широкое взаимодействие и больший охват распространения. В работе исследователи выводят несколько гипотез относительно bonding и bringing. К примеру, «в открытых группах, чем сильнее взаимосвязи в группе, основанной на ESM, тем больше генерируется идей» (bringing), «в закрытых группах, чем теснее взаимосвязи в группе, основанной на ESM, тем больше идей генерируется внутри группы» (bonding). Демонстрируя преимущества и характерные черты моделей открытости и закрытости, авторы представляли их не противоречащими, а дополняющими друг друга (Van Osch, Bulgurcu 2020).

С появлением социальной сети «ВКонтакте» объединение в виртуальные группы стало одним из популярных функциональных сервисов. Если поначалу группы оставались преимущественно открытыми, то впоследствии некоторые сообщества предпочитали «закрывать» в связи с желанием сохранения узкого круга контактов. Это были группы одноклассников, односельчан, пользователей с общими интересами и др. Сегодня пользователи не столь активно пользуются функционалом групп социальных сетей, но по сходному принципу создают коммуникативные чаты.

За последние восемьдесят лет концепция открытых и закрытых сообществ получила ряд уточнений, изменений и дополнений. На ее трансформацию существенно повлияла и цифровая среда, предоставив более широкий инструментарий для выбора той или иной модели. В последующих разделах разберем концепции открытости и закрытости на практике — в контексте виртуальной этничности на примере конкретных сообществ коренных малочисленных народов.

¹ Внесен в реестр иноагентов России.

Стратегия открытости (опыт бесермян)

Бесермяне компактно обосновались на территории Северной Удмуртии и по последней переписи населения 2020–2021 гг. насчитывают 2067 человек. Они проживают преимущественно в сельской местности, говорят на бесермянском наречии удмуртского языка, по религии являются православными. Бесермяне включились в виртуальную жизнь относительно недавно: первая группа бесермян ВКонтакте «МИ БЕСЕРМАНЬ-ЁС» [«Мы бесермяне»] была основана в 2012 г. председателем Общества бесермянского народа в Удмуртской Республике С. Антугановым, который долгое время оставался ее администратором. Несколько лет «МИ БЕСЕРМАНЬ-ЁС» оставалась едва ли не единственной виртуальной группой сообщества, пока в 2018 г. не случился бум киберактивности бесермян. На сегодняшний день у них более 19 сообществ со средней численностью 200–500 участников; большая часть из которых (18 групп) имеет открытый характер. По прошествии времени бесермяне не забрасывают деятельность в сети и поддерживают функциональность групп.

Цифровая активность бесермян распространяется за пределами сетевой коммуникации и некоторые считают, что их виртуальная жизнь стала едва ли не более значимой, чем реальная. По словам исследовательницы Елены Поповой, нынешняя численность бесермянской группы ВКонтакте ««Жувам Гуртэ» больше, чем население деревни Жувам». Сегодня при знакомстве бесермяне обмениваются не телефонными контактами, а добавляются в друзья ВКонтакте. По словам жителей, страницы во ВКонтакте имеют и «90-летние бабушки», причем некоторые из них являются активными участниками киберпространства. На конференции «Язык, история, культура бесермян: состояние и перспективы исследований», проводившейся в апреле 2023 г. в Удмуртской республике (г. Глазов), отдельные доклады представили модераторы бесермянских групп ВКонтакте. Сам факт, что руководителей виртуальных сообществ приглашают для участия в научных мероприятиях, демонстрирует высокую значимость сетевого пространства в повседневной жизни бесермян.

В чем причина активности и открытости бесермян в виртуальности? Исходя из результатов проведенного исследования можно выделить два фактора. **Во-первых**, бесермяне проживают в Республике Удмуртии — субъекте Российской Федерации, стратегия которой связана с сохранением этнокультурного наследия. При этом поддержка и выделение среди других в большей степени касается сообщества удмуртов. Бесермяне, которые официально включены в перечень коренных малочисленных народов, однако имеют небольшую численность, оказываются «обделенными вниманием». Удручает их и то, что культуру бесермян часто смешивают с удмуртской.

На одной из конференций, посвященной бесермянам, заведующий жувамским домом культуры Сергей Невоструев поделился переживаниями: «Иногда пишут, что бесермянский народ произошел от древних удмуртов... А кто такие древние удмурты?». Невоструев недоволен, что «на центральных каналах представляют наши (бесермянские — С. Б.) костюмы, а рассказывают про удмуртов и представляют нашу песенную культуру». Он опасается, подобная путаница и присвоение «чужого» приведет к тому, что попытки бесермян продвигать свою самобытность могут оказаться бесполезными, поскольку люди так и не начнут выделять их в отдельное сообщество. Представление в сети дает бесермянам необходимые ресурсы для творчества и презентации себя в том виде, который удовлетворяет членов этнической группы.

Второй причиной проявления бесермян в сети стало резкое снижение численности их населения. Впервые бесермяне были учтены в переписи 1926 г., и их количество

тогда составило 10034 чел. В ходе учета численности бесермян нового времени обнаружилась неблагоприятная тенденция: по переписи 2002 г. их количество составило 3122 чел. (более, чем в три раза меньше, чем в 1926 г.), а восемь лет спустя в 2010 г. население сократилось еще почти на 1000 чел. — до 2201 чел. Тревожная перспектива утраты целого народа мотивировала бесермян к поиску новых рычагов поддержки культуры и восстановлению себя. Набравшие популярность в 2010-х годах социальные сети стали удобным инструментом демонстрации культуры для внутреннего и внешнего пользования (Белоруссова 2024: 64–67).

В преддверии проведения новой переписи 27 января 2021 г. бесермяне создали группу ВКонтакте «Мон — бещерман. Я — бесермянин, бесермянка». Первая запись группы состоит из видеобращения бесермянских лидеров — председателя общества бесермянской культуры с. Ворцы Рафаила Дюкина (обращение к пользователям на родном языке) и активистки бесермянского движения Надежды Сидоровой (обращение на русском языке):

«Уважаемые бесермяне, в этом году состоится Всероссийская перепись населения. Призываю каждого из вас в строке «национальность» указать себя бесермянином. По итогам последней переписи нас записано чуть более двух тысяч человек, но это далеко не все бесермяне. Друзья, задумайтесь об этом. Только мы сами и только вместе сможем сохранить наследие наших предков. Мы, современные бесермяне, можем изменить самосознание и развивать народную культуру. Мы не должны позволить исчезнуть нашей народности с планеты Земля. Бесермяне, объединяйтесь! Под таким призывом и лозунгом к вам мы с Рафаилом Дюкиным создадим группу ВКонтакте с целью объединения нашего народа» (Мон бещерман 2021).

В течение года в группе ВКонтакте модераторы «поддерживали» бесермянскую идентичность: делились публикациями о мероприятиях, создавали памятки по прохождению переписи, выкладывали бесермянские фото и видео. Акция продолжалась вплоть до окончания проведения переписи в декабре 2021 г. По результатам новой переписи выяснилось, что численность народа хоть и снизилась, но не критично — бесермянами записались 2067 человек (сокращение на 130 чел.). Бесермяне восприняли эту новость как радость и всеобщее достижение, а модераторы группы отдали должное виртуальному инструменту:

«Благодаря нашей группе нашлись бесермяне... болеющие за свой народ, желающие внести свой вклад в развитие своего народа! И... У нас получилось! Цифра 2067 (в 2010 бесермян насчитывалось 2201 человек) для малочисленного коренного народа приятна и радостна! Я как истинная бесермянка, горда за свой народ! Благодарна безмерно молодому бесермянскому поколению за участие в переписи» (Мон бещерман 2021).

По словам Алексея Караваева, благодаря позиционированию в сети, некоторые «узнали, то они бесермяне», что также помогло получить хорошие показатели переписи. Сегодня проекты бесермян также проводятся на стыке реальности и виртуальности. В рамках фестиваля «Чеброс» пользователи записывают видео со стихами бесермянского поэта Михаила Федотова и выкладывают в сети с хэштегом #Чеброс2023#М_И_Федотов. Обычно во флешмобе собирается много участников, большинство из которых относятся к заданию творчески — надевают национальные костюмы, погружаются в

атмосферу того времени, используя звуковые эффекты. В июне 2023 г. на празднике «Корбан» организаторы сконструировали окошко в виде экрана мобильного телефона, в котором каждый из участников мог поздравить сородичей или передать привет тем, кто не смог приехать на фестиваль. Таким образом, праздник охватил не только реальных участников, но и связал с теми, кто находился по ту сторону экрана.

По словам администратора группы «Мон бешерман» Анны Вершининой, сегодня наблюдается столкновение между цифровой и традиционной культурой, однако это является не сдерживающим, а поддерживающим фактором: «Сохранить культуру в современном мире можно только современными методами. По принципу «клином клином вышибают». То есть не противиться этому, а активно использовать то, что нам сегодня представляет современный век» (ПМА 2023). Исходя из позиции Вершининой, можно предположить, что сегодня традиционная культура нуждается в опоре на новые способы репрезентации, в том числе в виде виртуального позиционирования. Несомненным преимуществом социальных сетей бесермяне видят их «возможности коммуницировать друг с другом». Тем более, что сеть стала площадкой объединения бесермян по всему миру, предоставляя «доступ» к собственной этнической идентичности.

Таким образом, сегодняшняя открытость бесермян в сети вызвана желанием проявления среди других, а также потребностью сохранения собственной идентичности. Внешнюю среду бесермян можно обозначить как «неудовлетворяющую» реальность, которая не соответствует ожиданиям народа, однако поддается улучшению и компенсируется через инструменты виртуальности. Опыт бесермян также показывает, что неблагоприятные факторы в реальности являются дополнительной мотивацией в деле развития своей культуры и консолидации в сети.

Стратегия закрытости (опыт тубаларов)

Тубаларов в отечественной этнографической традиции принято относить к северным алтайцам. Они издавна проживали в бассейне верхнего течения реки Бии и в верховьях реки Иши. Обычно тубаларов делят на три этнотерриториальные группы по проживанию в селах Майминского, Турачакского и Чойского районов республики Алтай. Большая часть тубаларов проживает в Турочакском районе вблизи Телецкого озера.

Тубалары в отличие от бесермян слабо представлены в виртуальном пространстве. У них от одной до трех групп в каждой из социальных сетей: три во ВКонтакте («Тубалары. Алтай», «Тубалары», «ОБЩИНА «ЧАПТЫГАН» (СВЯЩЕННАЯ ГОРА)»), три в Одноклассниках («ТУБАЛАРЫ», «Тубалары Чойского района», «Тубалары Черневой тайги», один Telegram-канал («ТУБАЛАРЫ») и две страницы в Instagram* («Тубалары», «Сообщество КМН Чойского района»). По результатам анализа выяснилось, что из представленных групп «живыми» является только одна группа во ВКонтакте и две в Одноклассниках.

Согласно виртуальному анализу, казалось, что тубаларов мало интересует практика представления себя в цифровом формате. Однако исследование в физическом пространстве выявило, что тубалары взаимодействуют в сети, однако предпочитают закрытые чаты WhatsApp и Telegram. К примеру, в WhatsApp есть группа «КМН “Алтын Кель”», в которой обсуждают «правовую, культурную и социальную жизнь населения», в чате «Тубалары» происходит «изучение родословной, различные объявления по КМН. Вопросы и ответы по КМН». Есть группы, посвященные изучению родного языка («Төрөн тылим», «Изучаем туба тил»), а также семейно-родовые группы («Төрөннор»).

Создательница группы «Төрөн Тylim» («Родной язык») Татьяна Балашева уже несколько лет работает над учебником тубаларского языка, который будет включать разделы по грамматике, самоучитель и разговорник. По ее словам, соплеменники давно ждут такую работу и постоянно интересуются ходом ее деятельности. Закрытый чат «Төрөн Тylim» является продолжением ее работы по созданию учебника в физическом пространстве: в сети она выкладывает задания тем, кто хочет выучить тубаларский язык:

«Я создала эту группу, чтобы проводить обучение. Допустим первый урок — это легко. Это родственные отношения тубаларов, к кому как обращаться. А потом все стало сложнее и сложнее. Когда я уже столкнулась, что нужно объяснить, например, окончания в словах, какие аффиксы нужно ставить во множественном числе, то поняла, что делать это по WhatsApp нереально» (Төрөн Тylim).

На сегодняшний день закрытый чат «Төрөн Тylim» в большей степени ориентирован на общение между тубаларами. Балашева сообщает в нем о ходе подготовки учебника по тубаларскому языку и получает в этом поддержку от соплеменников.

Как и в случае с бесермянами, выбор модели позиционирования тубаларов в виртуальности напрямую связан с внешней и внутренней ситуацией в отношении их идентичности в реальности. **Во-первых**, одним из событий, способствовавших «закрытию» тубаларов, является включение в начале 2022 г. их ведущей организации «Туба калык»^{*1} («Тубаларский народ») в список иностранных агентов. По словам представителя Таира Бодрошева, организация стала иноагентом в связи с получением гранта от Всемирного фонда дикой природы для обучения общественных наблюдателей, которые бы следили за вырубкой лесов на Алтае. Включение в перечень иноагентов вызвало непонимание и недоумение у тубаларов, а комментариев в Министерстве юстиции РФ им получить не удалось. По их мнению, несмотря на то что их деятельность была направлена на защиту природной среды тубаларов, своим проектом организация кому-то «серьезно навредила».

Термин «иноагент» несет в себе негативную окраску — в советское время так обозначали «предателей» и «антисоветчиков», а отголосок прошлой эпохи отражается и в нынешнем понимании иноагентов. Наделение подобным статусом ведущей организации сообщества вызвало широкую трактовку о том, что «тубаларский народ является иноагентом». В средствах массовой информации даже выходили поясняющие статьи о том, что статус относится не ко всем тубаларам, а к конкретной организации (Эксперт 2022). Тем не менее данный слух продолжает существовать: к примеру, в поисковой строке Яндекс при запросе на тему «Тубалары» вторым вариантом предложения ввода данных является «Тубалары иноагенты».

После получения статуса иноагента тубалары начали искать поддержку у жителей Горного Алтая. К примеру, в комментариях к публикации издания «Новости Горного Алтая» Таир Бодрошев написал: «ПОДДЕРЖИТЕ ДРУЗЬЯ НАС». Пользователи неоднозначно восприняли просьбу: комментатор под ником «Горожанин» высказался: «Поделом Вам, работать идите! Полезного все равно ничего не сделали! Ни народ свой ни защитили, ни земли!». Пользовательница «Миа» в свою очередь тоже поделилась мнением: «Посмотрите на фотографию — группа милых доброжелательных, улыбающихся людей... Особенно умилил задний фон — полуразваленные избушки и повалившийся забор. Вот она наша современная действительность. Что-то не верится, что финанси-

¹ Внесена в реестр иноагентов России.

рование достаточно значительное, чтобы везде теперь писать приставку — иноагент» (Организацию тубаларов 2022).

По словам председателя комитета по национальной политике и связям с общественностью Республики Алтай Людмилы Варванец, случай тубаларов вызвал скорее сочувствие, чем всеобщее порицание: «Пришлось объяснять, что законодательство Российской Федерации изменилось, в том числе для тех, кто получает финансирование из соседних, не всегда дружественных государств. И твоя позиция может быть не совсем твоей позицией, а позицией тех, кто дает тебе этот грант».

Второй причиной сетевой закрытости является угроза внешних сил: тубалары, проживающие преимущественно на землях по берегу Телецкого озера, опасаются утраты своих земель из-за повышенного внимания к ним со стороны инвесторов и предпринимателей. В целом закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» направлен на защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов малочисленных народов. При этом, по словам одной из активисток тубаларского движения Натальи Кочегановой, им сложно отследить конкурсы Минприроды на осуществление закупки природных объектов и тем более полноценно в них участвовать. Тем не менее, не так давно одна из тубаларских организаций получила территорию в пос. Артыбаш, на которой, согласно условиям, тубалары должны построить два торговых центра этнической направленности. В защите родных земель заинтересованы не только тубалары, но и другие местные жители, независимо от их этнической принадлежности. Они, пользуясь правами тубаларов, отстаивают право на свои земли — таким образом, пытаются сохранить «свое» и сопротивляться активизации извне (ПМА 2023).

В отличие от бесермян, у тубаларов отсутствует проблема сокращения численности населения. Напротив, за 10 лет, в период между переписями 2010 по 2021 годы их количество выросло почти в два раза — с 1964 по 3620 чел. Тубалары даже выступают за контроль тех, кто себя записывает «тубаларом», поскольку, по их мнению, многие являются «ненастоящими» и «лжетубаларами», ориентированными на получение льгот и преференций КМН, а не на развитие традиционной культуры. Этот фактор также демонстрирует осмотрительность тубаларов в деле презентации своей идентичности во внешней среде. Таким образом, тубалары сегодня включены в сетевое пространство, однако в большей степени ориентированы за закрытую коммуникацию. Последние события заставляют их словно «защищать» свою культуру от происходящих событий, что говорит, однако, не столько о замкнутости, а сколько о выборе соответствующей стратегии.

Стратегия закрытости (опыт сойотов)

Сойоты компактно проживают в Окинском (с. Сорок и с. Орлик) и Тункинском (с. Монды) районах Республики Бурятия, но подавляющее большинство все-таки в Окинском, поэтому в научной литературе их часто называют окинскими сойотами (Жуковская 1994: 12). По типу хозяйства и образу жизни они таежные охотники и оленеводы (Монгуш 2012). Как и в случае с тубаларами, сойоты мало представлены в открытой виртуальной среде. В социальной сети ВКонтакте существует две группы, в которых представлены сойоты — это «Sayan Uula» и «Этнографический музей народов Забайкалья», в Одноклассниках одна группа под названием «Сойоты», в Telegram чатов и каналов не обнаружено. Но даже имеющиеся виртуальные сообщества сойотов требуют

пояснений относительно их деятельности. Сообщество «Sayan Uula» не имеет четкой этнической окраски и позиционирует себя как туристическая группа: «Группа Спортивной Организации «Саяан Уула». Ока от А до Я: Туры в Окинский район». При этом руководство сообществом ведется из пос. Орлик сойотом Сультимом Базаровым, а по хэштегам обнаруживаются записи, посвященные сойотам. Группа «Этнографический музей народов Забайкалья» имеет мультиэтнический характер и представляет культуру сойотов наряду с другими этническими группами Бурятии. Группа в Одноклассниках «Сойоты» была образована в 2012 году, но никогда не функционировала.

Почему у сойотов низкая активность в сетевом пространстве? *Во-первых*, это связано с их территориальной удаленностью. Несмотря на то, что в местах проживания сойотов находится много природных объектов, привлекающих внимание туристов, путь в с. Орлик (административный центр района) непростой. Чтобы добраться из пос. Монды нужно проехать 150 км по гравиевой дороге, которая может быть опасна для новичков. Более того, из с. Орлика до туристических мест можно доехать только на специальном транспорте (например, самосвале «Урал»), что значительно утяжеляет поездку с точки зрения временных и финансовых ресурсов. Сами сойоты относятся к отсутствию туристического потока скорее положительно, поскольку таким образом сохраняется первозданная природа этих мест. По словам организатора поездок по Окинскому району Сультима Базарова, «в плане экологии здесь хорошо, потому что дорога здесь — сдерживающий фактор. Многим хорошо, что это сдерживающий фактор, а в плане экономики... Если бы дорога была, то был бы поток туристов. Но по опыту скажу, что лучше пусть так будет, пусть такая дорога будет».

Еще одним фактором является то, что сойотским местам проживания свойственны частые отключения света и сбой работы телекоммуникаций. Для сойотов кажется естественным не выходить на связь неделями, а потеря телефона не является проблемой. По словам жительницы Орлика, когда надолго отключают свет она начинает «целыми днями лепить позы» (во избежание порчи мяса в неработающих морозильных камерах).

Закрытость сойотов можно назвать «естественной» или «объективной» — она вызвана не внешними событиями или происшествиями, а спецификой природной среды. Территориальная закрытость отразилась на характерных чертах их этнической идентичности. Сойоты подчеркивают, что «закрыты горами», считают себя скромными, без стремления выделяться среди других. По их словам, у сойотов нет потребности позиционировать себя в сетях: «Мы сами как-то общаемся. И нести про себя в мир особо не хотят. Вообще в менталитете такого нет, чтобы выпячивать, про себя рассказывать». В этом отношении бурятские сойоты мало включены в виртуальную жизнь, и даже телефонная связь не несет для них той значимости, как реальное взаимодействие.

Для поддержки идентичности сойоты участвуют в этнических проектах, в основном в тех, которые реализуются внутри собственного рода и семьи. Ежегодно они выезжают на родовое место (чаще всего устья рек) и проводят встречи с родней, общаются и угощают друг друга. Считается, что сойоты ведут свое происхождение от озера Ильчир, и не так давно они выиграли всероссийский конкурс по этнокультурному туризму с проектом «Ильчир — сокровище сойотов». Туристический маршрут задействует этнокомплекс «Ильчир» — основанный в 2009 году музей под открытым небом, который сохранил культуру древних сойотов. Местные жители готовы реализовывать данный проект, однако подчеркивают, что Ильчир — священное место для сойотов и хотели бы сохранить объекты в чистоте, как в духовной, так и физической.

Второй причиной закрытости сойотов является их мультиэтническая идентичность, поскольку большинство считает себя одновременно и бурятами, и сойотами. Межэтнические браки непризнанных сойотов с бурятами в советский период привели к тому, что сегодня «чистых сойотов уже не осталось»: взрослые говорят о своем родстве с сойотами во втором и третьем поколениях (1/4 и 1/8 крови), а дети — четвертом и пятом (1/16 и 1/32 крови). Все из них записываются сойотами, хотя многие признают, что «значительная их часть — бурятская». На вопрос, почему им важно обозначать себя сойотами, а не бурятами, жительница с. Орлика ответила: «Четверть крови, хоть какая-то же есть, поэтому мы себя чувствуем сойотами». Директор школы улуса Сорок прокомментировала это так: «Это же наши предки. Все равно сойотами были — они здесь жили». Связь с родством, в том числе территориальным, является важным фактором их самоидентификации. По словам заведующей архивом с. Орлик Елены Цымбаевой, «для меня быть сойоткой — это желание возродить корни, традиции. Раньше наши предки здесь проживали. А ведь не зная родословной ты как бы и не человек» (ПМА 2023).

Из риторики сойотов можно заметить внимательное отношение к своему прошлому. Отчасти это объясняется тем, что одной из черт идентичности сойотов является уважение к предкам и почитание родни. Наличие в себе разной «крови» воспринимается как разные части себя, которые требуют внимания и почитания, и в этом отношении этничность потомков сойотов множественна и разнообразна. Будучи записанными сойотами, они также идентифицируют себя с бурятами: говорят на родном языке, проводят праздники и обряды. Их отличает не только этнический синкретизм, но и религиозный. Как сказала сойотка Анжелика: «У меня 8 кровей. Я хожу к ламе, шаману, и иногда ставлю в церкви свечку за русских родственников» (ПМА 2023).

Рассказывая о сойотах, жители Окинского района (записавшиеся сойотами) обычно говорят о них в третьем лице, например, «у них был свой язык», «они были оленеводами», «мы так и не нашли их костюм». По словам краеведа Алексея Папаева (тоже сойота), «они себя сойотами не осознают, но себя к ним относят». Таким образом, нынешние сойоты признают дистанцию и этнический разрыв между собой и предками.

Как и в случае с тубаларами, сойоты имеют устойчивый рост численности группы по данным последних переписей. В 2002 г. сойотами записались 2769 чел., 2010 г. — 3608 чел., 2020 г. — 4368 чел. Получается, что в период с 2010 по 2021 годы их население выросло на 17,4 %, а с 2002 по 2021 — на 36,6 %. Именование себя сойотами в переписи имеет в большей степени желание сохранить память о своих предках и местах их проживания.

В виртуальной среде сойоты в большей степени презентуют не сойотскую идентичность, а территорию своего проживания — природные объекты, наследие предков и родовые места. К примеру, в группе «Sayan Uula» администратор группы Сульгим Базаров в основном пишет о поездках в интересные места Окинского района. Сойотский блогер Алексей Папаев публикует записи о природном наследии Саянских гор, традициях местных жителей и археологических памятниках родного района. Таким образом, сойоты не так часто говорят о себе, как об отдельной этнической группе, однако среда их проживания является ключевой для отождествления себя с народом — через нее объединяется их мультиэтническая идентичность, память о предках и надежды о будущих поколениях.

Переходная модель (опыт нагайбаков)

Нагайбаки компактно проживают в Нагайбакском районе Челябинской области; они являются православными по религии, тюрками по языку и в прошлом представляли

казачье сословие. Нагайбаки широко представлены в виртуальном пространстве: у них не менее 17 групп во ВКонтакте, три в Одноклассниках и один канал в Telegram. Наибольшее количество подписчиков зафиксировано в группе «Нагайбакский мир» в Одноклассниках: в ней состоит 912 человек. Группы нагайбаков во ВКонтакте создавались в основном в период с 2010 по 2018 годы. Среди них сложно выделить основную — все они организованы разными пользователями, модераторами и активистами исходя из их тематических запросов и интересов. У нагайбаков особенно развиты музейные группы, а также этнохарактерные сообщества, посвященные ключевым чертам их идентичности — языку, религии и казачеству.

Наиболее активно и продуктивно у нагайбаков происходит общение через «сельский» чат (к примеру, «Подслушано Париж»), чем через чат этнический (в названии или описании которого было бы упоминание о нагайбаках). Отдельным видом виртуальных групп являются сообщества, созданные пользователями, которые недавно покинули родные места. Сообщество «Питерские нагайбаки» основано уроженцем пос. Остроленский Петром Юскиным: по его описанию, «группа создана для помощи, общения и взаимодействия тех, кто переехал из Нагайбакского района в Санкт-Петербург, либо является другом или знакомым из Нагайбакского района». Хотя в группе так и не случилось общения между питерскими нагайбаками (контент группы не обновлялся несколько лет), вероятно, создание виртуального сообщества послужило психологической опорой для пользователя, желающего на новом месте найти соплеменников. Подобная судьба у группы «Париж и парижане», основанной уехавшими в Казань жителями села Париж Дмитрием и Викторией Кадыкеевыми. Сегодня сообщество неактивно, правда, время от времени в нем оставляют объявления и вопросы по поводу переезда в Париж — но не в нагайбакский, а во французский.

Сегодня половина из созданных групп не функционирует и перешла в статус «заброшенных». Судя по всему, многие из них были созданы ситуативно и не ставили задачу продолжительного существования. Если в начале 2010-х годов интернет-пространство служило площадкой виртуального позиционирования нагайбаков, то последние пять лет было заметно снижение киберактивности: обсуждения в группах практически не ведутся, а прежние блогеры не выкладывают записей. В 2015 г. 78-летняя пенсионерка Ольга Барышникова занималась переводом интерфейса *ВКонтакте* на родной язык (ее инициатива была встречена с интересом в медиапространстве), однако данная работа так и не была завершена (Белоруссова 2023).

В чем причина снижения сетевой активности нагайбаков последних десяти лет? Как и в случае с другими сообществами желание сетевой презентации связано с происходящими событиями в реальной жизни. С момента возникновения нагайбакского сообщества в XVIII и вплоть до сегодняшнего дня их идентичность развивалась турбулентно и неоднородно. В советское время нагайбаков перестали считать отдельным народом и причислили к татарам, а их этнический реванш пришелся на постсоветский кризис. С того времени нагайбаки начали реализовывать проекты: в каждом селе создали собственный нагайбакский музей, ездили по местам боевой славы своих предков (проект «Из Парижа в Париж» (Белоруссова 2014)), основали более десяти творческих коллективов. Таким образом, после советского подавления в 1990-е — начале 2000-х годов у нагайбаков произошел всплеск самосознания. Последние десять лет у нагайбаков наблюдается этнический спад. Одним из трагических моментов этнической истории нагайбаков стал пожар в музее пос. Остроленский в 2012 г., который полностью унич-

тожил здание и большую часть экспонатов. Если раньше народные праздники были масштабными событиями с приглашением гостей, то сегодня у них чаще проводятся мероприятия «для своих».

С одной стороны, создается впечатление, что реальная, а вместе с ней виртуальная жизни народа «сошли на нет». С другой, сегодня нагайбаки в большей степени ориентированы не на обозначение «себя» для «других», а на внутренний поиск. Это находит выражение в периодическом, несколько бессистемном обновлении контента на персональных аккаунтах и неспециализированных группах.

В последнее время нагайбаки вновь активизировались в сети: поводом стало создание виртуальных групп для желающих помочь специальной военной операции. В ноябре 2023 г. была образована группа «Нагайбак_фронту», которая сегодня является одной из востребованных в нагайбакском сообществе. При этом в группе нет выраженного этнического контента, в большей степени в нее приглашаются «нагайбакцы» — жители Нагайбакского района Челябинской области. При этом для обоснования некоторых действий, в том числе самого желания помогать, используются этнические акценты: пользователи сообщают, что «нагайбаки всегда стояли на страже родины». В мае 2023 г. нагайбаки собрали средства и отправили на фронт автомобиль УАЗ 452 («буханка»), который украшает надпись «Нагайбак». В начале 2024 г. поступила информация, что «народный» автомобиль был подбит, что опять же спровоцировало нагайбаков на сбор средств по его восстановлению через группу ВКонтакте.

Не так давно в подворьях пос. Остроленский была зафиксирована «африканская чума» среди поголовья свиней. На предписание к полному уничтожению домашних животных жители пос. Остроленский начали защищать свои хозяйства. Нагайбаки выложили в сеть видеообращение к губернатору Челябинской области, в котором акцентировали внимание на своей идентичности, связи с казачеством и приверженности родине. Кроме того, в ролике остроленцы упомянули легенду о том, как их предки «купали коней в парижских фонтанах» в период Заграничных походов 1813–1814 годов.

Вскоре, как реакция на видео, в сети появилась песня «Нагайбаки спасают свиней», содержащая следующие слова: «Мы остроленцы, мы нагайбаки, нас трогать нельзя, мы злые собаки», «можете хоть весь спецназ собрать, но наших свиней вам не достать». За короткое время песня превратилась в местный хит, который широко распространился в нагайбакской цифровой среде. Таким образом, сегодня нагайбакам свойственно ситуативное проявление этнической идентичности в сети: при определенных угрозах (как в случае с «африканской чумой») или чувстве этнического долга (желание помочь специальной военной операции) нагайбаки демонстрируют себя в сети, при отсутствии актуализации этнической идентичности, у них снижается активность. И в дальнейшем их идентичность может перейти в движение для адаптаций и изменений, что также имеет значение для их самосознания и ощущения принадлежности к группе.

* * *

Как показывают представленные примеры этнических сообществ, сегодня физическая и виртуальная среда оказываются взаимосвязанными в проявлении себя и своей культуры. Цифровое пространство по-своему становится «лакусомовой бумагой» и помогает более четко отражать процессы, происходящие в реальности. Желание быть узнаваемыми мотивирует бесермян выбирать открытый тип позиционирования, напротив, из-за

неоднозначности внешних обстоятельств тубалары предпочитают коммуникацию внутри своего сообщества. В случае сойотов территориальная отдаленность является ключевым фактором их закрытости в цифровой среде. Предпочитаемый тип может меняться в зависимости от разного рода обстоятельств: как показывает опыт нагайбаков, при неблагоприятных факторах они демонстрируют повышенную сетевую активность (открытость), а при относительном этническом спокойствии она снижается (закрытость).

В более широком смысле представленные модели демонстрируют сегодняшнюю подвижность этнической культуры и ее готовность к последующим адаптациям. Виртуальность становится вписанной в реальность и оказывает влияние на контексты культур, взаимодействия и стратегии этнических групп.

Источники и материалы

- Мон бещерман 2021 — Мон бещерман. Я — бесермянин, бесермянка // Вконтакте. [Электронный ресурс]. 2021. <https://vk.com/public202166920?ysclid=m9x2v5n1uk719220274>
- Организацию тубаларов 2022 — Организацию тубаларов внесли в список иностранных агентов // Новости Горного Алтая. 4 февраля 2022. <https://www.gorno-altaisk.info/news/138809> (дата обращения: 20.08.2024).
- ПМА 2023 — Полевые материалы автора, Республика Удмуртия, Республика Бурятия, Республика Алтай, 2023.
- Төрөн Тылим — Төрөн Тылим. [Электронный ресурс, закрытый чат]. (дата обращения: 20.08.2024).
- Эксперт 2022 — Эксперт: «Иностранным агентом признан не народ, а отдельное юрлицо...» // kmns.ru. [Электронный ресурс]. 10 февраля 2022. <https://kmns.ru/blog/2022/02/10/эксперт-и-иностранным-агентом-признан/> (дата обращения: 20.08.2024).

Научная литература

- Белоруссова С. Ю. Взлеты и падения: как меняется численность коренных малочисленных народов (по результатам переписи 2021 г.) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 46–70. <https://doi.org/10.17223/2312461X/44/3>
- Белоруссова С. Ю. Из Парижа в Париж: путешествие нагайбаков по дорогам предков // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 128–135.
- Белоруссова С. Ю. Исчезают ли нагайбаки? // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 203–224. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1\(19\)-203-224](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-203-224)
- Белоруссова С. Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 123–145. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3\(13\)-123-145](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3(13)-123-145)
- Белоруссова С. Ю., Хохолькова Н. А. Виртуальность и глобальность (на примере коренных народов России и Африки) // Этнография. 2023. № 4 (22). С. 160–180. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-4\(22\)-160-180](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-4(22)-160-180)
- Жуковская Н. Л. Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1994. № 56. С. 4–22.
- Жюльен Ф. Трактат об эффективности. М.: Московский философский фонд, 1999. 288 с.
- Кондратьев М. Ю. Подросток в замкнутом круге общения. М.: Институт практической психологии, 1997. 335 с.
- Монгуш М. В. Тофалары и сойоты: историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. С. 62–78.
- Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001. 416 с.
- Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. М.: Фонд «Культурная инициатива»; Открытое общество «Феникс». 525 с.

- Поправко В. Н. Закрытое интернет-сообщество как форма коммуникации в виртуальном пространстве // Вестник Томского Государственного университета. 2009. № 322. С. 52–54.
- Радина Н. К. Трехфакторная модель А. В. Петровского для анализа «закрытой группы» и «закрытого общества» // Материалы Всерос. науч.-практической конференции «Социальная психология малых групп», посв. памяти А. В. Петровского. М.: МГППУ, 2009. С. 110–116.
- Сорос Дж. Новый взгляд на открытое общество. М.: Магистр, 1997. 30 с.
- Томбиянц Ю. Г. «Открытое» и «закрытое» общество в истории: мифы и реальность // Евразия: духовные традиции народов. 2013. № 1–2. С. 34–49.
- Johnston C. D., Lavine H. G., Federico C. M. Open versus Closed: Personality, Identity, and the Politics of Redistribution. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 282 p.
- Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S., Wang X. How the World Changed Social Media. London: UCL Press, 2016. 286 p.
- Van Osch W., Bulgurcu B. Idea Generation in Enterprise Social Media: Open versus Closed Groups and Their Network Structures // Journal of Management Information Systems. 2020. № 37 (4). P. 904–932. <https://doi.org/10.1080/07421222.2020.1831760>

References

- Belorussova, S. Yu. 2014. Iz Parizha v Parizh: puteshestvie nagaibakov po dorogam predkov [From Paris to Paris: The Nagaibak's Voyage Along the Roads of the Ancestors]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 3 (44): 128–135.
- Belorussova, S. Yu. 2021. Kiberjetnografija: metodologija i tehnologija [Cyberethnography: Methodology and Technology]. *Etnografija* 3(13): 123–145. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3\(13\)-123-145](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3(13)-123-145)
- Belorussova, S. Yu. 2023. Ischezaiut li nagaibaki? [Are Nagaibaks Disappearing?]. *Etnografiia* 1(19): 203–224. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1\(19\)-203-224](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-203-224)
- Belorussova, S. Yu. 2024. Vzlety i padeniia: kak meniaetsia chislennost' korennykh malochislennykh narodov (po rezul'tatam perepisi 2021 g.) [Ups and Downs: How the Number of Indigenous Peoples Is Changing (According to the Results of the 2021 Census)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 46–70. <https://doi.org/10.17223/2312461X/44/3>
- Belorussova, S. Yu., and N. A. Khokhlova. 2023. Virtual'nost' i global'nost' (na primere korennykh narodov Rossii i Afriki) [The Virtual and the Global: Indigenous Peoples of Russia and Africa in Digital Environment]. *Etnografiia* 4(22): 160–180. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-4\(22\)-160-180](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-4(22)-160-180)
- Johnston, C. D., H. G. Lavine, and C. M. Federico. 2017. *Open versus Closed: Personality, Identity, and the Politics of Redistribution*. Cambridge: Cambridge University Press. 282 p.
- Julien, F. 1999. *Traktat ob effektivnosti* [Treatise on Efficiency]. Moscow: Moscow Philosophical Foundation. 288 p.
- Kondratiev, M. Yu. 1997. *Podrostok v zamknutom krughe obshcheniia* [Adolescent in a Closed Circle of Communication]. Moscow: Institute of Practical Psychology. 335 p.
- Miller, D., E. Costa, N. Haynes, T. McDonald, R. Nicolescu, J. Sinanan, J. Spyer, S. Venkatraman, and X. Wang. 2016. *How the World Changed Social Media*. Moscow: UCL Press. 286 p.
- Mongush, M. V. 2012. Tofalary i soioty: istoriko-etnograficheskii ocherk [The Tophas and the Soyots: Historical and Ethnographic Essay]. *Novye issledovaniia Tuvy* 2: 62–78.
- Oleynik, A. N. 2001. *Tiuremnaia subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoi zhizni do gosudarstvennoi vlasti* [Prison Subculture in Russia: From Everyday Life to State Power]. Moscow: Infra-M. 416 p.
- Popper, K. 1992. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Vol. 1. Moscow: Cultural Initiative; Phoenix. 525 p.
- Поправко, В. Н. 2009. Zakrytoe internet-soobshchestvo kak forma kommunikatsii v virtual'nom prostranstve [Closed Internet Community as a Form of Communication in Virtual Space]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta* 322: 52–54.
- Radina, N. K. 2009. Trekhfaktornaiia model' A. V. Petrovskogo dlia analiza «zakrytoi gruppy» i

- «zakrytogo obshchestva» [A. V. Petrovsky's Three-Factor Model for the Analysis of 'Closed Group' and 'Closed Society']. In *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sotsial'naiia psikhologiiia malykh grupp», posviashchennoi pamiati A. V. Petrovskogo* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference «The Social Psychology of Small Groups» in the Memory of A. V. Petrovskii]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi psikhologo-pedagogicheskii universitet. 110–116.
- Soros, G. 1997. *Novyi vzgliad na otkrytoe obshchestvo* [A New Look at the Open Society]. Moscow: Magister. 30 p.
- Tombiyants, Yu. G. 2013. «Otkrytoe» i «zakrytoe» obshchestvo v istorii: mify i real'nost' ['Open' and 'Closed' Society in History: Myths and Reality]. *Evrasiia: dukhovnye traditsii narodov* 1–2: 34–49.
- Van Osch, W., and B. Bulgurcu. 2020. Idea Generation in Enterprise Social Media: Open versus Closed Groups and Their Network Structures. *Journal of Management Information Systems* 37(4): 904–932. <https://doi.org/10.1080/07421222.2020.1831760>
- Zhukovskaya, N. L. 1994. Respublika Buriatiia: etnoreligioznaia situatsiia (1991–1993 gg.) [Republic of Buryatia: Ethno-Religious Situation (1991–1993)]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 56: 4–22.